

смотрены типы и употребление сравнительного оборота (с. 138—164), которые «занимают промежуточное положение между второстепенными членами и придаточными предложениями» (с. 141).

В работе подчеркивается, что обособленные члены предложения большей

частью встречаются в распространенном виде (напр. с. 171). Систематически анализируются возможности преобразования обособленной конструкции в придаточную часть сложного предложения (с. 67—73, 133—138).

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.2.13>

Г. Н. Валитов, Подлежащее в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1978.

13 октября 1978 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Г. Н. Валитовым на тему «Подлежащее в марийском языке». Работа подготовлена под руководством профессора Тартуского государственного университета П. Аристэ. Официальными оппонентами выступили на защите доктор филологических наук И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук П. Кокла (Таллин).

Синтаксис — наиболее сложный раздел языкознания — в финно-угорских языках исследован недостаточно. Особенности затруднения вызывает изучение структуры предложения финно-угорских языков в историческом плане. Похвально, что молодой марийский языковед Георгий Валитов обратился именно к синтаксису. В работе он справедливо указывает на отсутствие специальных трудов о подлежащем в финно-угорских языках. Выбор Г. Н. Валитовым темы всячески обоснован — проблемы синтаксиса марийского языка нуждаются в разработке. Похвально, что предметом монографического исследования избран главный член предложения — подлежащее. Остается пожелать, чтобы в ближайшем будущем были подвергнуты анализу и другие основные члены предложения.

Цель работы Г. Н. Валитова — выявление сущности подлежащего в марийском языке, определение его функции и места по отношению к другим членам предложения, установление частей речи, выступающих в функции подлежащего, и их грамматических форм.

Исследование способствует дальнейшей разработке теоретических аспектов марийского синтаксиса. Его результаты могут быть практически использованы при создании научной грамматики марийского языка. Достоверный материал и выводы послужат основой для школьных и вузовских учебников и других языковых справочников.

Материалом для исследования послужил язык современной марийской художественной и публицистической литературы, проработаны десятки книг и журналов. В основном использован литературный язык, но в некоторой степени также диалектологический материал, собранный автором.

Г. Н. Валитов в своей работе пользовался методом синхронного анализа. В необходимых случаях применялся и сравнительно-исторический метод (например, в связи с деепричастными конструкциями, с. 47 и далее). Заслуживает одобрения привлечение сопоставлений с родственными, индоевропейскими и тюркскими языками.

Объем работы — 188 машинописных страниц, она состоит из введения, двух глав и заключения. Приложение (13 с.) включает списки сокращений, использованной литературы и цитированных художественных произведений.

Во введении (на 9 с.) дается критический обзор трудов, затрагивающих вопрос о подлежащем марийского языка. Марийские грамматики, а также отдельные статьи по синтаксису содержат определенные описания подлежащего, хотя специальных исследований о нем до настоящего времени не было. К этим описаниям Г. Н. Валитов подходит критически. Осо-

бенно подчеркивает он ошибочное понимание составителями учебников определения члена предложения.

Первая глава (с. 17—61) «Подлежащее — один из главных членов предложения» состоит из девяти разделов. Автор излагает теоретические принципы рассмотрения проблемы. Прежде всего рассматривается сущность члена предложения и вообще основы анализа предложения. Г. Н. Валитов, говоря об определении члена предложения, отмечает: «До настоящего времени нет приемлемого определения в вузовских учебниках как по финно-угорским, так и славянским языкам» (с. 17). В последующем изложении выявляется его умение творчески осмыслить точки зрения других исследователей. При определении члена предложения Г. Н. Валитов присоединяется — по мнению рецензента, совершенно обоснованно — к трактовке А. Е. Михневича (с. 18). Члены предложения и части речи находятся в тесной связи. Но он правильно указывает, что части речи не всегда употребляются в их обычной синтаксической функции (с. 22 и далее).

В разделе «Роль подлежащего и сказуемого в конструировании предложения» (с. 26—31) прослеживается взаимосвязь главных членов; рассматривается вопрос, что является главным в предложении — подлежащее или сказуемое. Рецензент считает, что этот вопрос не столь важен для синтаксической науки. Исследователи синтаксиса дают три ответа на него: одни отдают предпочтение подлежащему, другие — сказуемому, третьи признают оба члена равноправными. Рецензент считает правомерной позицию автора, когда тот придерживается третьей, примирительной точки зрения, считая главными оба члена предложения и подчеркивая их соотносительность при образовании ядра предложения.

Разъясняя понятие подлежащего, автор выделяет следующие грамматические признаки (с. 34—37): 1) главный член предложения, 2) главный член двусоставного предложения, 3) грамматически независимый, 4) обозначает предмет речи, 5) признак предмета подлежащего выражается сказуемым. Остается все-таки неясным, почему все эти признаки называются грамматическими.

При определении подлежащего важна его грамматическая форма. Г. Н. Ва-

литов совершенно правильно и достаточно подробно показывает, что грамматической формой подлежащего в марийском языке является номинатив имени и инфинитив глагола. Для ясности здесь же следовало отметить, что речь пойдет только об инфинитиве с суффиксом *-аш*. В ходе анализа указывается на ошибки, допущенные в более ранних исследованиях (например, авторы грамматики марийского языка 1949 года считали, что аккумулятив существительного может выступать подлежащим) (с. 41). Сравнение с финскими и эстонскими субъектными падежами верно.

В той же главе со знанием дела рассматриваются т. н. абсолютные деепричастные конструкции. Их анализ проведен обстоятельно и наглядно. Предложений с такими конструкциями очень много: этот тип (*Кугырак лий мекем, вїд дене чодырам волтенам* 'Когда немного подрос-я, сплавля-я лес', с. 54—55) в марийском языке встречается очень часто, как впрочем и во многих уральских и тюркских языках. Г. Н. Валитов знаком с необходимой литературой и в нужной мере учитывает данные других языков. Он доказывает, что рассматриваемые деепричастные конструкции не содержат подлежащего, не представляют собой простое предложение, которое является частью сложного, и приходит к выводу: «Поскольку субъектные деепричастные конструкции не являются придаточными предложениями, в них не может быть и подлежащего — главного члена двусоставного предложения. А производитель действия деепричастных оборотов... является лишь логическим субъектом деепричастного оборота...» (с. 56). Это утверждение обосновывается в девяти пунктах. В п. 3—5 (с. 45—53) широко рассматривается использование притяжательных суффиксов в деепричастных конструкциях. Автор прав, утверждая, что и при причастиях и при деепричастиях проявляется притяжательность, т. е. производитель действия, как и при существительных (с. 49). Однако Г. Н. Валитов слишком углубляется в эту проблему и его трактовка превращается в довольно большой экскурс в теорию обозначения притяжательности, что приводит к повторениям. В действительности главная мысль представлена на с. 52, где говорится, что деепричастие — это ран-

ная форма отглагольного имени (имени действия) и притяжательность в нем оформляется так же, как и в существительном.

Нужно отметить, что п. 2 (с. 46) может озадачить читателя, здесь сказано: «Этот своеобразный грамматический центр (деепричастие) не является сказуемым, ибо сказуемое выражается личной формой глагола, а деепричастие всегда имеет безличную форму (правда, иногда к ним присоединяются притяжательные суффиксы)». Подобное утверждение ничего не дает. Как известно, притяжательные суффиксы в этих формах весьма часты, что и подтверждается примерами автора в последующем изложении.

Нужно отметить, что выделение раздела «Понятие о главных членах предложения» (с. 25—26) остается в некоторой мере искусственным.

В конце главы приводятся результаты предшествующего анализа и формулируются пять пунктов вывода (с. 61). Прав автор, утверждая, что типичной формой подлежащего является именительный падеж существительного и местоимения. Наряду с этим можно было упомянуть и инфинитив в функции подлежащего.

Итак, в первой главе Г. Н. Валитов удачно решил поставленную перед собой задачу. Главный член предложения — подлежащее — в ней рассмотрен во всех аспектах, с нужной обстоятельностью приведены особые черты построения предложения в марийском языке. Особое внимание уделено анализу предложений, содержащих деепричастные конструкции.

Вторая глава работы «Средства выражения подлежащего» (с. 62—181) рассматривает реализацию подлежащего в марийском предложении с помощью различных частей речи, фразеологических оборотов и словосочетаний. Самыми обычными частями речи, выступающими в функции подлежащего, являются существительные и местоимения. Обстоятелен материал об именах собственных в роли подлежащего. Имена нарицательные разделены на семантические группы: конкретные, абстрактные, собирательные и др. Отдельно рассматривается подлежащее с притяжательным суффиксом, а также существительное во множественном числе как подлежащее. На первый взгляд может показаться, в этом нет необходи-

мости. Но если учесть разнообразные возможности выражения множественного числа в марийском языке (напр. суффикс *-мыт*), то становится ясно, что эта трактовка имеет смысл. Однако автор не отметил возможность выражения множественности подлежащего с помощью притяжательного суффикса 3-го лица множественного числа, которая выявляется в случаях типа *tu-δδn ü-δδrδšt tšəlan-a-t marla-n kaje-nāt* 'все ее дочери вышли замуж'.

Некоторое недоразумение вызывает выделение раздела «Подлежащее — собирательное имя существительное» (п. 4, с. 71), чем он приравнен к разделу «Подлежащее — нарицательное имя существительное» (п. 3, с. 68); собирательные имена существительные представляют ведь только одну из групп нарицательных имен.

Местоимения в функции подлежащего четко разделены на разряды. Нужно признать, что автор рассматривает материал тщательно: отдельно выделены случаи, когда к местоименным подлежащим присоединяются притяжательные суффиксы (в непритяжательном значении) и частицы *-ак*, *-ат* (с. 80 и далее). Нужно было бы избегать выражения «притяжательная форма личных местоимений» (с. 79), тем более что на следующей странице говорится: «Притяжательное значение передается формой родительного падежа личных местоимений».

Относительно прилагательных можно дискутировать, имеется ли причина представлять субстантивированные слова (*черле* 'большой' и т. д.) прилагательными (ср. напр. выражение *тошто чеверже* 'былая красота ее', с. 99).

Тот же вопрос возникает в отношении причастий. Существительные, образованные от причастий, как например, *шоцшо* 'дنيا', *тунемше* 'ученик', *туныктышо* 'учитель', *вуйлатыше* 'председатель', можно не относить к причастиям. Автор работы и сам замечает: «Некоторые активные причастия марийского языка полностью субстантивировались, то есть перешли в разряд существительных» (с. 108).

При изложении вопроса о выражении подлежащего пассивными причастиями тоже встает вопрос, не нужно ли часть из них, исходя из значения, отделить от причастий. Мы имеем в виду случаи, где эти

формы выступают как имена действия, например: *Эргыжын вучымыжо тудын ушышкыжо пурен огыл* 'Ожидание сына ему в голову не приходило' (с. 111); *Вара пытартыш вашлийме ушыш пура* 'Затем вспоминается последняя встреча' (с. 111). В качестве примеров явных причастий могут служить предложения: *Арпик йолташ, увертарыме-влакет чыланат толын улыт гын, погынымашым тӱҥгалаш кӱлеш* 'Товарищ Арпик, если все извещенные явились, нужно открыть собрание' (с. 111); *Мемнан каласымына XIX курым мучаште лийын* 'То, о чем мы рассказали, произошло в конце XIX века' (с. 112). Есть возможность различать причастие (в значении 'рассказываемый, рассказанный') и отглагольное имя (в значении 'рассказывание'); например, предложение со значением имени действия: *kalas̄m̄n̄a-tu-d̄m̄ s̄ār̄ākte-n* 'наш рассказ обозлил его'.

Хорошо проанализированы случаи, когда подлежащим выступает инфинитив. Правильно показано, как инфинитив приобретает значение существительного, если к нему присоединяется притяжательный суффикс. Однако представляется излишним сравнение с русским языком, так как в русском языке притяжательные суффиксы отсутствуют (с. 120).

В работе рассматриваются формы, образованные при помощи суффикса *-ge*. Автор, правда, относит их к наречиям, но нужно признать, что он все-таки ставит вопрос о принадлежности упомянутой формы к падежам существительного (с. 129—130). Эта проблема интригует — если рассматривать данные формы как падежи, то значит, в марийском языке именное подлежащее может выражаться не только номинативом, но и комитативом. В приведенных автором примерах подлежащим являются парные слова *изиже-кугыжге* 'и малые, и большие'. Только в одном случае встречается непар-

ное слово *шоҥгыжге* 'и старики' (с. 129). Следовало бы выяснить, может ли суффиксальная форма с *-ge* самостоятельно выступать в роли подлежащего.

В рассматриваемой главе совершенно верно показано, что в марийском языке не только отдельные слова, но и фразеологизмы и словосочетания могут выполнять в предложении функцию подлежащего. Особый интерес представляют предложные конструкции в качестве подлежащего. Обобщая, можно констатировать, что Г. Н. Валитов в целом хорошо справился с поставленными во второй главе задачами.

Работу завершает заключение (с. 182—188), в котором довольно удачно сделаны выводы и представлены результаты исследования.

Автором приведено достаточно языковых примеров, но следовало бы конкретно указать, когда и с какой диалектной территории собран им лично иллюстративный материал.

Работа Г. Н. Валитова представляет собой законченное целостное исследование. Его труд является важным шагом в изучении синтаксиса марийского языка. В нем детально и обстоятельно описан главный член предложения — подлежащее, его сущность и формы его выражения в марийском языке. Работа содержит много новых точек зрения (сложная проблема деепричастных конструкций, фразеологизмы в роли подлежащего и др.). Она является первой монографией по членам предложения марийского языка. Серию аналогичных исследований следует продолжить. Как отмечено выше, данную работу можно использовать при исследовании марийского языка и в преподавательской деятельности. Теоретическая ценность ее для исследования предложения финно-угорских языков бесспорна.

ПАУЛЬ КОКЛА (Таллин)